

В романе Федора Сологуба «Мелкий бес» в первые минуты знакомства с гимназистом Сашей Пыльником молодая «декадентка» Людмила Рутилова строго спрашивает, какой у него любимый поэт.

— Надсон, конечно, — ответил Саша с глубоким убеждением в невозможности иного ответа.

— То-то, — поощрительно сказала Людмила. — Я тоже Надсона люблю...

Умерший в 24 года от чахотки, этот поэт на несколько десятилетий стал идиологом молодежи эпохи, которую принято называть *fin de siècle*. Десятки его стихотворений были положены на музыку и стали любимыми романсами (сейчас их называли бы шлягерами).

Но литературная элита того времени о Надсоне всегда говорила с пренебрежением и даже презрением — «поэт для горничных». Тем не менее увлечение им пережили не только гимназисты и горничные, но и многие из будущих русских декадентов. «Поэтом милый юности» назвал его в статье, опубликованной 19 января 1917 года (в годовщину смерти поэта) в газете «Биржевые ведомости», Федор Сологуб.

Конечно, сегодня при всем желании трудно разглядеть в этом поэте то, что восхищало в нем его современников и современниц. Его гражданский пафос уже не увлекает, любовная лирика не зачаровывает, рифмы и образы кажутся слишком безыскусными и

Семен Надсон.

26 декабря исполнилось 135 лет
со дня рождения Семена Надсона

«Поэт для горничных»

даже пресными. Надсон не был поэтом безупречного вкуса и не обладал каким-то особым поэтическим дарованием. Но в его лирике встречаются и прекрасные стихи:

*Любви, одной любви! Как нищий подаянья,
Как странник, на пути застигнутый грозой,
У крова чуждого молящий состраданья,
Так я молю любви с тревогой и тоской...*

1884

*Не говорите мне: он умер, — он живет,
Пусть жертвенник разбит, — огонь еще пылает.
Пусть роза сорвана, — она еще цветет,
Пусть арфа сломана, — аккорд еще рыдает!...*

1886

Говорят, еще в 70-е годы в московских и петербургских букинистических магазинах чаще всего попадались именно надсоновские сборники, любовно переплетенные и зачитанные томики всех цветов и размеров. Размышляя над феноменом популярности этого поэта, один из моих знакомых неожиданно, но убедительно сравнил его с Николаем Гумилевым: «Гумилев, может быть, первый после Надсона незлитарный поэт. Гимназисты и гимназистки, горничные, работницы банков и других учреждений, похожие на очень многих наших молодых современниц, — все они читали Надсона. Может быть, им и хотелось читать модных поэтов-символистов, появившихся после него. Но у них это не получалось. А Надсон был близок и понятен, и это же впоследствии произошло с Гумилевым. Оба пленяли читателей своей искренностью, открытостью и детскостью».

Кстати, о детскости. Да, поэзия Надсона сегодня едва ли может увлечь. За небольшим исключением, значительным поэтом он остается только в контексте своей эпохи. Но близким и дорогим ребенком он остается для всех, кто столкнется с его дневниково- и мемуарной прозой. И§ может быть, к «детскости» жизни и творчества Гумилева приближаются именно гимназические дневники и воспоминания Надсона, в которых так много трогательной непосредственности и открытости миру.

«3 ноября [1877 года]... Если буду получать гонорар, первым делом куплю себе часы, потом отдам починить скрипку, потом куплю американские коньки и буду мало-помалу копить деньги для покупки произведений лучших русских авторов... Что это на меня сегодня писарство напало! Такие буквы выписываю, что уму непостижимо. А какая гордость мне будет (вот так фраза, чисто немецкая), какая слава, хотел я сказать, в нашем кружке, если узнают, что я печатаю в журналах, хотя бы и таких неизвестных, как «Северная Звезда!» Хотя бы Л... как-нибудь узнала!»

(Из гимназического дневника)

«Особенно памятен мне поросший крапивой овраг; нередко, вооруженный деревянной саблей, я врезывался в самую середину крапивы, которая в моих одиноких детских играх казалась мне полчищем татар, — и, несмотря на обжог, отважно рубил направо и налево... А в траве все жило своей особенной, чудно-новой жизнью. Я старался поставить себя на место большого красного муравья, взбирающегося по стебельку стройного колокольчика, и с его точки зрения взглянуть на этот новый мир... и достигал наконец того, что высокий куст репейника казался мне таким гигантом, что, при виде его, у меня в груди сжималось сердце каким-то мучительно-подавляющим чувством...»

(Из воспоминаний о детстве)

ИРИНА ПАНТЕЛЕЙ

Москва

Надсон
Семен

14.01.98